

ГИППИЙ БОЛЬШИЙ

Перевод А. В. Болдырева

ВВЕДЕНИЕ

„Гиппий Большой“ принадлежит к числу тех произведений Платона, вопрос о подлинности которых вызвал в новое время большие споры; вопрос этот до сих пор не решен окончательно. В принадлежности диалога Платону усомнился уже Шлейермахер; в пользу авторства Платона высказались Герман, Шгальбаум, Грот; начиная с 90-х годов спор возгорелся с новой силой, и еще недавно было высказано мнение, что составление „Гиппия Большого“ относится ко времени Аристотеля¹.

На основании одного свидетельства Аристотеля², обычно предполагают, что „Гиппий Большой“ был известен ему, но это не доказывает авторства Платона. В самом диалоге не содержится данных для точной его датировки. Остается один путь установления подлинности или подложности диалога — изучение его самого, установление связи его с произведениями, принадлежность которых Платону стоит вне спора, исследование его языка и стиля.

По своей композиции „Гиппий Большой“ распадается на три основные части. Вступлением ко всему последующему является разговор Сократа с Гиппием из Элиды (281 А — 286 Е), где Гиппий рассказывает о своих триумфах в различных городах Греции. Говоря о своих публичных выступлениях, Гиппий упоминает о своей речи, посвященной „прекрасным занятиям“ (286 А), и этим дает повод Сократу обратиться к нему с вопросом, что такое прекрасное само по себе, вопросом, который Сократ сам разрешить не мог, когда он был ему поставлен каким-то неизвестным человеком, незримо присутствующим затем во всей остальной части диалога. Объяснение поставленного вопроса, установление того, что речь идет о прекрасном самом по себе, а не о том, что прекрасно, служит переходом к основной части диалога, представляющей попытку дать определение прекрасного (287 Е — 304 А). При этом определения даются сначала Гиппием, а затем (начиная с 293 D) Сократом, который, впрочем, почти все

---

¹ M. Pohlenz, *Aus Platos Werkezeit*, Берл. 1913. Автор находит в „Гиппии Большом“ приемы и терминологию, сложившиеся позднее Платона.

² Тописка, 146 а 22. Имя Платона здесь не названо; не указано и название произведения, которое имеется в виду. С другой стороны, Аристотель определенно ссылается на „Гиппия Меньшего“ (*Метафизика*, 1025 а 6 сл.), причем называет его просто „Гиппием“, не пытаясь обозначить точнее, чего следовало бы ожидать, если бы Аристотелю известны были два диалога Платона, ходившие под одним названием. Однако, все эти соображения ничего не говорят против подлинности диалога, если принять во внимание ту сжатую и лаконическую манеру приводить цитаты, которая столь характерна для Аристотеля.

время скрывается под маской неизвестного, и только в конце, на время, забывает свою роль и выступает самостоятельно (300 В — 303 Е). В заключительной части (304 А до конца) содержатся резкие выпады Гиппия против Сократовского метода и ответ Сократа.

На протяжении всего диалога Гиппий выступает в очень невыгодной роли. Его наивное самохвальство, беспомощные попытки дать сколько-нибудь удовлетворительное определение прекрасного, неспособность понять, что от него требуется, — все это изображается с нарочитой определенностью и яркостью. Это и дало повод некоторым исследователям усматривать основную цель всего произведения именно в осмеянии Гиппия¹.

Однако, основная задача и цель диалога заключается не в этом, а в подходе к разрешению вопроса о прекрасном. Вопрос этот внешне не получает окончательного ответа, но дает автору диалога повод подвергнуть тщательному анализу целый ряд определений прекрасного и доказать их логическую несостоятельность. После опровержения первых попыток определения, исходящих от Гиппия и основанных на элементарных логических ошибках, доказывается неудовлетворительность определения прекрасного, как подходящего (*τὸ πρέπον*), пригодного (*τὸ χρήσιμον*) и полезного (*τὸ ὠφέλιμον*).

При разборе последнего определения, к которому автор возвращается еще раз в конце диалога, выступают такие основные понятия, как причина, (*τὸ αἴτιον*), творящее (*τὸ ποιοῦν*), возникающее (*τὸ γιγνώμενον*), — понятия, которые исследуются с большей полнотой и определенностью в других произведениях Платона, — после чего разрешение вопроса о прекрасном только и оказывается возможным. Надо иметь в виду, что понятие прекрасного в „Гиппии Большем“ имеет сильно выраженный этический оттенок, и эстетическая сторона выступает на первый план только в определении, даваемом в конце диалога, где прекрасное называется „приятным через посредство зрения и слуха“ (*τὸ δι' ὄψεως καὶ ἀκοῆς ἡδύ*). Это последнее определение вызывает довольно длинный экскурс, посвященный выяснению, впервые в истории греческой философии, различия между понятием предмета и понятием числа.

В каком отношении стоит „Гиппий Большой“ к другим диалогам Платона, прежде всего к „Гиппию Меньшему“? Были попытки решить этот вопрос в том смысле, что „Гиппий Большой“ признавался позднейшей подделкой, автор которой использовал ситуацию и действующих лиц „Гиппия Меньшего“ и, на основании этого, создал самостоятельное произведение, заимствуя некоторые мысли

¹ При этом иногда высказывались предположения, что имя Гиппия только личина, под которой скрываются другие лица. Последнюю мысль тщательно развивал Дюммлер (*Academica*, 52 сл.), который склонен был видеть выведенным в лице Гиппия Исократом, основываясь на сопоставлении некоторых мыслей, высказываемых Гиппием, с сочинениями Исократом, и на сравнении стиля речей Элидского софиста в Платоновском диалоге с Исократовыми речами. Это мнение, мало вероятное само по себе, было подвергнуто основательной критике Горнеффером (*De Hippia Maiore qui fertur Platonis*, Gottingae 1895, 60 сл.) и в настоящее время никем не поддерживается.

из „Горгия“ и развивая их, иногда довольно неудачно¹. Более вероятным представляется решение, предложенное Апельтом², согласно которому „Гиппий Большой“ теснейшим образом примыкает к „Гиппию Меньшему“, служит его продолжением и своеобразной палинодией (ср. Г. Б. 286 С и Г. М. 375 Е; Г. Б. 296 А сл. и Г. М. 365 D сл.). Эта связь обоих диалогов возможна только в том случае, если признать автором их одно и то же лицо; а поскольку обычно считается, что принадлежность „Гиппия Меньшего“ Платону засвидетельствована Аристотелем, то этим косвенно доказывается и подлинность „Гиппия Большого“. Совпадения с „Горгием“ (Г. 474 D сл. и Г. Б. 295 С сл.; Г. 499 В—С и Г. Б. 303 Е и др.) проще всего объясняются, если предположить, что „Горгий“ составлен после „Гиппия Большого“.

Установление связи между „Гиппием Большим“ и „Гиппием Меньшим“ в предложенной Апельтом форме объясняет и любопытный прием, играющий очень важную роль в „Гиппии Большем“, а именно введение в диалог неизвестного третьего собеседника, от лица которого ведет беседу Сократ. Это — как бы воплощение совести Сократа, побуждающей его высказаться еще раз по поводу тех вопросов, которые подверглись обсуждению в „Гиппии Меньшем“, но уже в форме более общей и, что важнее всего, с разъяснением уловок и софизмов, встречающихся в этом диалоге.

Такой прием — своеобразное раздвоение личности Сократа — применен Платоном и в других диалогах (ср. хотя бы „Протагор“ 330 С сл., или роль Диотимы в „Пире“), но в данном случае он проведен особенно последовательно, причем использованы с большим искусством все возможности, которые давало его применение: едкое осмеивание противника, настойчивость в обсуждении поставленных вопросов, несмотря на противодействие собеседника, искусная характеристика участников разговора.

Вообще характеристике действующих лиц диалога уделено много внимания. Образ Гиппия обрисован особенно живо и полно, и не даром оба Платоновские диалога этого названия, наряду с „Протагором“, оказываются одним из главных источников тех сведений, которыми мы располагаем об этом замечательном представителе века софистического просвещения. Можно думать, что в центре интересов Гиппия стояли общие вопросы права³. Но особенно поражает его изумительная разносторонность; он находил возможность заниматься решительно всем, начиная с археологии, астрономии и музыки и кончая ювелирным, ткацким и сапожным ремеслами. Характеристика Гиппия в обоих диалогах во всем существенном одинакова; в этом отношении они дополняют друг друга, и это тоже косвенно указывает на авторство для обоих диалогов одного лица.

Такая детальная обрисовка действующих лиц, а также и данные, полученные из исследования языка⁴, служат аргументом в пользу ранней датировки

¹ Horneffer, ук. соч.

² O. Apelt, Die beiden Dialoge Hippias. Neue Jahrb. XIX — XX (1907), 630 сл.

³ Dümmler, ук. соч. 247 сл.

⁴ C. Ritter, Untersuchungen über Plato, Штуттгарт 1888, 97 сл.

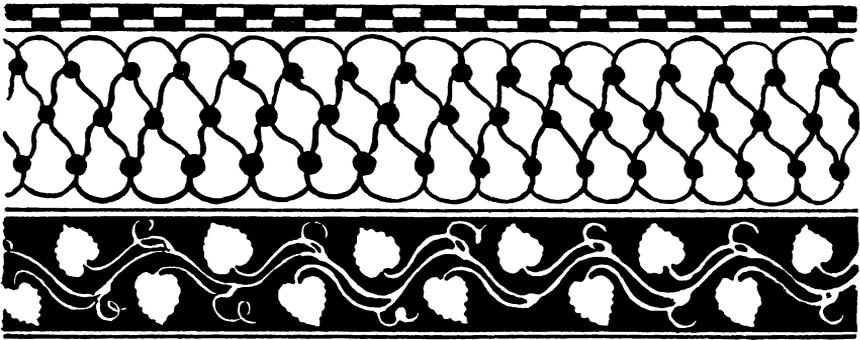
„Гиппия Большого“, что вполне соответствует характеру философского содержания диалога. Наиболее правдоподобным представляется поместить его между „Гиппием Меньшим“ и „Горгием“, т. е. не позднее 385 — 375 гг.

Совокупность данных говорит скорее в пользу авторства Платона. Богатство содержания, ценного для понимания развития Платоновской философии, прекрасный язык, яркие и сильные характеристики действующих лиц, лукавый юмор, проникающий все части диалога — все это как-то не вяжется с предположением, будто „Гиппий Большой“ составлен кем-то другим. Этому заключению не препятствует и острота и даже резкость полемики, не совсем обычная для Платона, на что обращали внимание некоторые из ученых, занимавшихся этим диалогом.

„Гиппий Большой“ переведен М. С. Соловьевым (II т. „Творений Платона“), вместе с рассуждением к нему, написанным Вл. Соловьевым. Кроме указанной выше литературы, см. Baks, Zur Erklärung der Dialoge Hippias Minor und Maior, Burg 1890—91. Röllig, Zum Dialoge Hippias Maior. Wiener Studien, XXII (1900). R. Hirzel, *Ὀψία*. Philologus, LXXII (1913). Stavenhagen, *Πλάτωνος πρῶτος πλοῦς, Χάριτες* Fr. Leo dargebracht, Berl. 1911.

А. Болдырев.

Сократ. Гиппий, прекрасный и мудрый, наконец-то ты при- 281
был к нам в Афины!

Гиппий. Все недосуг, Сократ. Всякий раз, как Элиде¹ нужно
бывает вести переговоры с каким-нибудь государством, она
всегда обращается ко мне прежде, чем к кому-нибудь другому
из граждан, и выбирает меня послом, считая меня наиболее под-
ходящим судьей и вестником тех речей, которые будут произ-
несены от имени каждого из государств. И вот часто я отпра-
влялся послом и в другие государства, чаще же всего и по по-
воду самых многочисленных и важных дел — в Лакедемон. По-
этому — вот мой ответ на твой вопрос — я и не заезжаю
в ваши места.

Сократ. Вот что значит, Гиппий, быть поистине мудрым и
совершенным человеком. Ведь ты умеешь и в частной жизни,
беря с молодых людей большие деньги, приносить им пользу
еще бóльшую в сравнении с деньгами, которые ты берешь;
с другой стороны, ты и в общественной деятельности умеешь ^с
оказывать благодеяния своему государству, как и должен посту-
пать всякий, кто не желает, чтобы его презирали, а, напротив,
хочет пользоваться доброй славой среди большинства. Однако,
Гиппий, какая причина того, что древние мужи, имена которых
прославляются за их мудрость, и Питтак, и Биант, и люди
в роде милетянина Фалеса, да и позднее жившие вплоть до
Анаксагора², — все или большинство из них, повидимому, дер-
жались в стороне от государственных дел?

Гиппий. Какая же здесь, Сократ, по твоему, иная причина, как не та, что они были не в силах и не способны обнять умом и то и другое, и дела общественные и дела частные?

2

Сократ. Значит, клянусь Зевсом, подобно тому, как все остальные искусства сделали успехи, и, по сравнению с нынешними, старые мастера плохи, то же самое придется сказать и о вашем искусстве, — искусстве софистов; оно сделало успехи, а мудрецы из древних плохи по сравнению с вами.

Гиппий. Совершенно правильно.

Сократ. Следовательно, Гиппий, если бы у нас ожил теперь Биант³, то, пожалуй, вызвал бы у вас смех, все равно, как о Дедале говорят ваятели, что, появившись он теперь и начни исполнять такие же работы, как те, которые создали ему имя, он был бы смешон⁴.

Гиппий. Все это так, как ты говоришь, Сократ. Однако, я все-таки обыкновенно восхваляю древних и живших прежде нас больше, чем нынешних, так как остерегаюсь зависти живых и боюсь гнева мертвых.

Сократ. Ты, Гиппий, по моему, прекрасно говоришь и рассуждаешь, и я могу подтвердить правильность твоих слов. Действительно, ваше искусство сделало успехи в том, что дает возможность заниматься и общественными делами, наряду с частными. Ведь вот Горгий, леонтинский софист⁵, прибыл сюда со своей родины по общественным делам, как человек наиболее способный из всех леонтинян к общественной деятельности; он и в народном собрании оказался отличнейшим оратором, и, частным образом выступая с речами и занимаясь с молодыми людьми, заработал и собрал с нашего города большие деньги. Если угодно, то и наш приятель, известный Продик⁶, часто и раньше приезжал сюда по общественным делам, а в последний раз, недавно, приехав с Кеоса по общественным делам, очень отличился и своею публичной речью, да и частным образом выступая с речами и занимаясь с молодыми людьми, получил удивительно много денег. А из тех древних никто никогда не считал достойным себя требовать себе денежного вознагра-

ждения и выставлять напоказ свою мудрость пред всякого рода людьми. Вот как они были просты! Не заметили они, что деньги имеют большую цену. Из этих же двух мужей каждый заработал своей мудростью больше денег, чем другие мастера каким угодно искусством; а еще раньше Горгия и Продика Протагор⁷.

3

Гиппий. Ничего-то ты, Сократ, об этом по настоящему не знаешь! Если бы ты знал, сколько денег заработал я, ты бы изумился! Не говорю об остальном; но вот однажды, когда я прибыл в Сицилию в то время, как там находился Протагор, человек прославленный и старше меня по возрасту, я все-таки, будучи много его моложе, в короткое время заработал гораздо больше ста пятидесяти мин, да притом в одном только совсем маленьком местечке, Инике, больше двадцати мин⁸. Прибыв с этими деньгами домой, я отдал их отцу, так что и он и все остальные граждане удивлялись и были поражены. Я думаю, что заработал, пожалуй, больше денег, чем любые два других софиста, вместе взятые.

Сократ. Ты, Гиппий, приводишь прекрасное и важное доказательство мудрости и своей собственной и вообще нынешних людей, — насколько они ею отличаются от древних! Велико было, по твоим словам, невежество людей, живших прежде⁹. С Анаксагором произошло, говорят, обратное тому, что случается с вами: ему остались по наследству большие деньги, а он по беззаботности потерял все — вот каким неразумным мудрецом он был; да и об остальных, живших в старину, рассказывают подобные же вещи. Итак, мне кажется, ты приводишь прекрасное доказательство мудрости нынешних людей по сравнению с прежними. Многие согласны в том, что мудрец должен быть прежде всего мудрым для себя самого. Определяется же это так: мудр тот, кто заработал больше всего денег.

4

Но об этом достаточно. Скажи мне вот что: ты-то сам, в каком государстве, куда ты заезжаешь, заработал больше

всего денег? Очевидно, в Лакедемоне, куда ты заезжаешь чаще всего?

Гиппий. Клянусь Зевсом, нет, Сократ!

Сократ. Что ты говоришь! Значит, в Лакедемоне меньше всего?

С Гиппий. Я там вообще никогда ничего не получал.

Сократ. Странное говоришь ты, Гиппий, и удивительное! Скажи мне: разве не в состоянии твоя мудрость делать более добродетельными тех, кто следуют и учатся ей?

Гиппий. И даже очень.

Сократ. Значит, сыновей инициан ты был в состоянии сделать лучшими, а сыновей спартиатов не мог?

Гиппий. Далеко от этого.

Сократ. Тогда, стало быть, сицилийцы стремятся стать лучшими, а лакедемоняне — нет?

Д Гиппий. И лакедемоняне очень стремятся к этому, Сократ.

Сократ. Может быть, они избегали общения с тобою из-за недостатка денег?

Гиппий. Нет, конечно; денег у них достаточно.

Сократ. Какая же причина, что, хотя у них есть и страстное желание и деньги, а ты мог помочь им в самом важном, они отпустили тебя не нагруженным деньгами? Ведь невероятно же, чтобы лакедемоняне могли воспитывать своих детей лучше, чем ты это можешь? Или это, действительно, так, и ты согласен с этим?

Е Гиппий. Никоим образом.

Сократ. Или ты не был в состоянии убедить молодых людей в Лакедемоне, что через общение с тобою они преуспеют в добродетели больше, чем если будут общаться со своими? Или ты не мог убедить отцов этих молодых людей, что, если только они пекутся о своих сыновьях, им следует скорее поручать их тебе, чем самим о них заботиться? Ведь не из зависти же отцы мешали своим детям стать как можно лучше?

Гиппий. Не думаю, чтобы из зависти.

Сократ. Лакедемон, разумеется, государство, имеющее хорошие законы?

Гиппий. Еще бы!

284 Сократ. А в государствах с хорошим законодательством выше всего ценится добродетель?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Ты же умеешь прекраснее всех людей преподавать ее другим.

Гиппий. Гораздо прекраснее всех, Сократ!

5

Сократ. Ну, а тот, кто прекраснее всех умеет преподавать искусство верховой езды, не в Фессалии¹⁰ ли он будет пользоваться почетом больше, чем где бы то ни было в Элладе, и не там ли он получит больше всего денег, равно как и во всяком другом месте, где ревностно занимаются этим?

Гиппий. Вероятно.

Сократ. А тот, кто может преподавать драгоценнейшие знания, ведущие к добродетели, разве не в Лакедемонне будет он пользоваться наибольшим почетом? Разве не там заработает он больше всего денег, если пожелает, равно как и в любом эллинском городе из тех, что управляются хорошими законами? Неужели ты думаешь, друг мой, что это будет скорее в Сицилии, в Инике? Поверим ли мы этому, Гиппий? Но, если ты прикажешь, придется поверить.

Гиппий. Все дело, Сократ, в том, что несогласно с заветами отцов у лакедемонян изменять законы и воспитывать сыновей вопреки установившимся обычаям.

Сократ. Что ты говоришь! У лакедемонян несогласно с заветами отцов поступать правильно, а надо ошибаться?

Гиппий. Этого, Сократ, я бы не сказал.

Сократ. Но разве они не поступали бы правильно, если бы воспитывали молодежь лучше, а не хуже?

Гиппий. Правильно поступали бы; но у них несогласно с законами давать чужеземное воспитание. Знай твердо: если бы кто другой когда-либо получал от них деньги за воспитание, то и я получил бы их, и гораздо больше всех; по крайней мере, они бывают рады и слушать меня и хвалить, но, повторяю, нет у них такого закона.

Сократ. Как ты скажешь, Гиппий, — вред ли или польза для государства закон?

Гиппий. Устанавливается закон, я думаю, ради пользы; иногда же он приносит и вред, когда он плохо установлен.

Сократ. Так что же? Разве те, кто устанавливают закон, не устанавливают его, как наибольшее благо для государства? И без этого разве нельзя жить в благозаконии?

Гиппий. Ты говоришь правду.

Сократ. Итак, когда те, кто пытаются устанавливать законы, погрешают против блага, они погрешают против того, что законно, и против закона. Что ты скажешь на это?

Е Гиппий. Говоря строго, Сократ, это так; однако, обычно люди этого так не называют.

Сократ. Какие люди, Гиппий? Знающие или незнающие?

Гиппий. Большинство.

Сократ. А знает ли это большинство истину?

Гиппий. Нет, конечно.

Сократ. Но ведь люди знающие считают то, что более полезно, в действительности более законным для всех людей, чем то, что менее полезно; или ты с этим не согласен?

Гиппий. Я согласен, что в действительности это так.

Сократ. А не бывает ли это на самом деле и не происходит ли это так, как считают знающие люди?

Гиппий. Разумеется.

6

Сократ. Но, ведь, для лакедемонян, как ты утверждаешь, 285 полезнее на самом деле получать то воспитание, которое ты можешь дать, — хотя оно и чужеземное, — чем получать воспитание, принятое в их стране.

Гиппий. И я говорю правду.

Сократ. Что более полезное является более законным, ведь ты и это утверждаешь, Гиппий?

Гиппий. Я же сказал это.

Сократ. Итак, по твоим словам, для сыновей лакедемонян воспитание, даваемое Гиппием, является более законным, а воспитание, даваемое их отцами, — менее законным, если только эти сыновья, действительно, получают от тебя больше пользы.

Гиппий. Конечно, они получают пользу, Сократ.

Сократ. Следовательно, лакедемоняне поступают вопреки В закону, когда не платят тебе денег и не поручают своих сыновей.

Гиппий. С этим я согласен; мне кажется, ты говоришь в мою пользу, и мне вовсе не приходится возражать.

Сократ. Итак, друг мой, мы находим, что лакедемоняне поступают противозаконно, и поступают так в самом важном деле, хотя они и кажутся людьми наиболее послушными законам. Но, ради богов, Гиппий, что же именно они рады бывают слушать и за что хвалят тебя? Очевидно то, что ты лучше всего знаешь: науку о звездах и о небесных явлениях? С

Гиппий. Нисколько; такой науки они даже и не выносят.

Сократ. А о геометрии они рады бывают слушать?

Гиппий. Никоим образом, потому что и считать-то, собственно говоря, многие из них не умеют.

Сократ. Значит, они далеки от того, чтобы слушать твои речи о вычислениях?

Гиппий. Очень далеки, клянусь Зевсом.

Сократ. Но уже, конечно, они рады бывают слушать о том, что ты умеешь разбирать точнее всех: о значении букв и слогов, D ритмов и гармоний?

Гиппий. Каких там гармоний и букв, дорогой мой!

Сократ. Но о чем же они тогда слушают с удовольствием и за что тебя хвалят? Скажи мне сам, так как я не догадываюсь.

Гиппий. О генеалогии героев и людей, Сократ, об основании колоний, о том, как в старину основывались города, одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом, так что из-за них и я сам вынужден был E очень тщательно изучить все это ¹¹.

Сократ. Да, Гиппий, клянусь Зевсом, счастлив ты, что лакедемонянам не доставляет радости, если кто может перечислить им наших архонтов, начиная с Солона; не то тебе было бы много труда выучить все это.

Гиппий. Почему, Сократ? Стоит мне один раз услышать пятьдесят имен, и я их запомню.

7

Сократ. Это правда, а я-то и не сообразил, что ты владеешь искусством мнемоники; теперь я понимаю: лакедемонянам потому 286 и следует встречать тебя с радостью, что ты знаешь многое; они и обращаются к тебе, как дети к старухам, чтобы послушать занимательные рассказы.

Гиппий. И в самом деле, Сократ, клянусь Зевсом, недавно я там имел успех, когда разбирал вопрос о прекрасных занятиях, которым должен предаваться молодой человек. Надо сказать, что у меня есть превосходно составленная речь об этом; она хороша и в других отношениях, а также и способом выражения. Вступление и начало моей речи такое: Когда взята была Троя, говорится в речи, Неоптолем спросил Нестора¹², предаваясь каким занятиям молодой человек мог бы приобрести себе наилучшую славу. После этого говорит Нестор и излагает ему великое множество прекраснейших правил. С этой речью я выступил в Лакедемонe, да и здесь предполагаю выступить послезавтра, в школе Фидострата, равно как и со многими другими речами, которые сто́ит послушать; меня просил об этом Евдик, сын Апеманта¹³. Но только ты и сам должен быть при этом и других 3 таких привести, которые сумели бы, выслушав сказанное, оценить его.

8

Сократ. Так и будет, Гиппий, если богу угодно! А теперь ответь мне кратко по поводу вот чего — ты как раз вовремя¹⁴ напомнил мне. Надо тебе сказать, дорогой мой, что недавно, когда я в каком-то разговоре одно порицал, как безобразное, а другое хвалил, как прекрасное, меня поставил в затруднительное положение один человек тем, что задал мне, и очень дерзко, приблизительно такой вопрос: Откуда тебе знать, Сократ, 4 спросил он, что именно прекрасно и что безобразно? Давай-ка посмотрим, можешь ли ты сказать, что такое прекрасное? И я, по своей простоте, оказался в затруднительном положении и не мог ответить ему, как следует; а уходя после беседы с ним, я сердился на себя, бранил себя и грозился, что в первый же

раз, как только я повстречаюсь с кем-нибудь из вас, мудрецов, я спрошу его, выучусь, старательно запомню, а потом снова пойду к тому, кто мне задал тот вопрос. Так вот теперь, говорю я, ты приходишь вовремя и должен научить меня как следует, что такое само прекрасное. Постарайся в своем ответе, Е сказать мне это как можно точнее, чтобы я, если меня изобличат во второй раз, снова не вызвал смеха. Ведь ты-то это, конечно, определенно знаешь, и это, разумеется, только малая доля тех многих знаний, которыми ты обладаешь.

Гиппий. Конечно, малая доля, Сократ, клянусь Зевсом; да и ничего она, можно сказать, не стоит.

Сократ. Значит, я легко научусь, и никто меня больше не изобличит.

Гиппий. Разумеется, никто; ведь иначе я оказался бы ничтожным и заурядным человеком. 287

Сократ. Клянусь Герой, хорошо сказано, Гиппий, — лишь бы только нам одолеть того человека! А только мне не помешать бы тебе, если я стану подражать ему и при твоих ответах возражать на твои слова, чтобы ты как можно заботливее научил меня. Я, ведь, довольно опытен в том, что касается возражений. Поэтому, если тебе все равно, я буду тебе возражать, чтобы лучше выучиться.

Гиппий. Ну что же, возражай! Ведь, как я сказал только что, вопрос этот не важный, и я мог бы научить тебя отвечать В на вопросы гораздо более трудные, так что ни один человек не мог бы тебя изобличить.

9

Сократ. Ах, хорошо ты говоришь! Но давай, раз ты сам приглашаешь меня, я стану, совсем как тот человек, задавать тебе вопросы. Дело в том, что если бы ты произнес перед ним ту речь, о которой ты говоришь, речь о прекрасных занятиях, то он, выслушав тебя, лишь только ты кончил говорить, спросил бы тебя прежде, чем спрашивать о чем-либо ином, о самом прекрасном — такая уже у него привычка — и сказал бы так: С Элидский гость, не справедливостью ли справедливы справедли-

вые люди? Отвечай же, Гиппий, как если бы он спрашивал тебя.

Гиппий. Я отвечу, что справедливостью.

Сократ. Итак, она, справедливость, есть нечто?

Гиппий. Конечно.

Сократ. А не мудростью ли мудрецы мудры, и не благом ли бывает благим все благое?

Гиппий. Как же иначе?

Сократ. И все это есть нечто; ведь не есть же это ничто.

Гиппий. Конечно, нечто.

Сократ. Так не будет ли и все прекрасное прекрасным благодаря прекрасному?

Д Гиппий. Да, благодаря прекрасному.

Сократ. И это прекрасное есть нечто?

Гиппий. Нечто; чем же ему и быть?

Сократ. Так ответь мне, чужеземец, скажет он, что такое это прекрасное?

Гиппий. Значит, Сократ, задающий этот вопрос, желает узнать, что прекрасно?

Сократ. Мне кажется, нет; он хочет узнать, что такое прекрасное, Гиппий.

Гиппий. А чем одно отличается от другого?

Сократ. По твоему, ничем?

Гиппий. Разумеется, ничем не отличается.

Сократ. Разумеется; очевидно, ты это лучше знаешь. Однако, смотри, дорогой мой: он, ведь, тебя спрашивает не о том, что прекрасно, а о том, что такое прекрасное.

Е Гиппий. Понимаю, дорогой мой, и отвечу ему, что такое прекрасное, и никогда ему меня не опровергнуть. Знай твердо, Сократ, если уже надо говорить правду: прекрасная девушка есть прекрасное.

Сократ. Прекрасный и славный ответ, Гиппий, клянусь собакой! Не правда ли, если я отвечу так, я дам ответ на вопрос, ²⁸⁸ и ответ правильный, и никогда меня не опровергнуть?

Гиппий. Да как же тебя опровергнуть, Сократ, когда это кажется всем таким, и все, кто это услышат, засвидетельствуют, что ты говоришь правильно.

Сократ. Пусть это так, хорошо! Но, Гиппий, дай-ка я снова

повторю себе, что ты говоришь. Тот человек спросит меня приблизительно так: Ну, Сократ, отвечай мне — все то, что ты называешь прекрасным, будет прекрасным, если само-то прекрасное является чем? Я же скажу: если прекрасная девушка есть прекрасное, тогда она и есть то, благодаря чему это будет прекрасно?

Гиппий. Так ты думаешь, он еще будет пытаться опровергать тебя, говоря, что то, о чем ты говоришь, не прекрасно? Разве он не будет смешон, если сделает такую попытку?

Сократ. Что он сделает попытку, это я хорошо знаю, удивительный ты человек! А будет ли он смешон, сделав эту попытку, покажет будущее. Я хочу только сказать тебе, что он будет говорить.

Гиппий. Скажи же!

10

Сократ. Хорош же ты, Сократ! скажет он. Ну, а разве прекрасная кобылица, которую даже и бог похвалил в своем ответе¹⁵, не есть прекрасное? Что мы на это скажем, Гиппий? Не то ли, что и кобылица есть прекрасное, — я разумею прекрасную кобылицу? Как же нам дерзнуть отрицать, что прекрасное есть прекрасное?

Гиппий. Ты верно говоришь, Сократ, ибо правильно сказал об этом бог; ведь кобылицы у нас бывают прекраснейшие.

Сократ. Пусть так, скажет он: ну, а что такое прекрасная лира? Разве не прекрасное? Скажем ли мы, что это так, Гиппий?

Гиппий. Да.

Сократ. После этого тот человек скажет — я в этом почти уверен и заключаю из того, как он обычно поступает: — Дорогой мой, а что же такое прекрасный горшок? Разве не прекрасное?

Гиппий. Да что это за человек, Сократ? Как невоспитан тот, кто осмеливается произносить столь низменные слова в серьезном деле!

Сократ. Такой уже он человек, Гиппий, не изящный, а грубоватый, и ни о чем другом не заботится, а только об истине. Но все-таки надо ему ответить, и я заранее заявляю: если горшок вылеплен хорошим гончаром, если он гладок, кругл и

хорошо обожжен, как некоторые горшки с двумя ручками из тех прекрасных горшков, что вмещают шесть кружек, — горшки прекрасные во всех отношениях, — если спрашивают о таком горшке, надо признать, что он прекрасен. Как можно назвать не прекрасным то, что прекрасно?

Гиппий. Никак нельзя, Сократ.

Сократ. Так не есть ли, скажет он, и прекрасный горшок — прекрасное? Отвечай!

Гиппий. Так оно, я думаю, и есть, Сократ. Прекрасен и этот сосуд, если он хорошо сработан, но в целом все это недостойно считаться прекрасным по сравнению с кобылицей, девушкой и со всем остальным прекрасным.

289 Сократ. Пусть будет так. Я понимаю, Гиппий, что следует возражать тому, кто задает подобные вопросы таким образом: Друг мой, тебе неизвестно хорошее изречение Гераклита: „Из обезьян прекраснейшая безобразна, если сравнить ее с человеческим родом“¹⁶; и прекраснейший из горшков безобразен, если сравнить его с девичьим родом, как говорит Гиппий мудрый. Не так ли, Гиппий?

Гиппий. Конечно, Сократ, ты правильно ответил.

11

Сократ. Слушай дальше. После этого, я хорошо знаю, тот человек скажет: Как же так, Сократ? Если станут сравнивать девичий род с родом богов, не случится ли с первым того же, что случилось с горшками, когда их стали сравнивать с девушками? Не покажется ли прекраснейшая девушка безобразной? Не утверждает ли того же самого и Гераклит, на которого ты ссылаешься, когда он говорит: „Из людей мудрейший, по сравнению с богом, покажется обезьяной, и по мудрости, и по красоте и по всему остальному“. Ведь мы признаём, Гиппий, что самая прекрасная девушка безобразна по сравнению с родом богов.

Гиппий. Кто стал бы этому противоречить, Сократ!

Сократ. А если мы признаём это, тот человек засмеется и скажет: Ты помнишь, Сократ, о чем я тебя спрашивал? Помню, отвечаю я, о том, что такое само прекрасное. Тогда, скажет он,

ты, на вопрос о прекрасном, приводишь в ответ нечто такое, что, как ты сам говоришь, прекрасно ничуть не в большей степени чем безобразно. Похоже на то, скажу я. Что же еще посоветуешь ты мне сказать, друг мой?

Гиппий. Именно это. Ведь он справедливо скажет, что, по сравнению с богами, род людской не прекрасен.

Сократ. Спроси я тебя с самого начала, скажет он: что и прекрасно и безобразно, разве неправилен был бы твой ответ, если бы ты ответил мне то же, что отвечаешь теперь? Кажется ли тебе, что само прекрасное, благодаря которому и все остальное украшается и представляется прекрасным, как только присоединяется эта идея¹⁷, это-то прекрасное и будет девушкой, кобылицей или музой?

Гиппий. Ну, Сократ, если он этого ищет, что такое то прекрасное, благодаря которому и все остальное украшается, и от присоединения чего представляется прекрасным, тогда легче всего ответить ему. Значит, этот человек совсем прост и ничего не смыслит в прекрасных сокровищах. Ведь если ты ответишь ему, что то прекрасное, о котором он спрашивает, есть золото, он попадет в тупик и не будет пытаться опровергать тебя. А мы все знаем, что если к чему присоединится золото, то даже и то, что раньше представлялось безобразным, представится прекрасным, после того, как оно украшено золотом.

Сократ. Ты, Гиппий, не знаешь, как этот человек упорен и как он ничего не принимает легко.

Гиппий. Почему же это, Сократ? Необходимо, чтобы он принимал то, что говорится правильно; иначе он станет смешным, раз он этого не принимает.

12

Сократ. А такой ответ, дорогой мой, он не только не примет, но станет просто издеваться надо мной и скажет: Ах ты, помраченный человек! Неужели ты Фидия считаешь плохим мастером? И я, думается мне, скажу: нет, нисколько.

Гиппий. И правильно скажешь, Сократ.

Сократ. Конечно, правильно. Но тогда он, после того, как я соглашусь, что Фидий — хороший мастер, скажет: Значит, ты

В думаешь, что Фидий не знал того прекрасного, о котором ты говоришь? Я же отвечу: Почему? Да потому, скажет он, что глаза Афины¹⁸, а также и остальные части лица, и ноги, и руки он изготовил не из золота, а из слоновой кости, тогда как все это, если бы было сделано из золота, должно было бы казаться всего прекраснее. Ясно, что он сделал такую ошибку по своему невежеству, так как не знал, что золото и есть то самое, что делает прекрасным все, к чему бы оно ни присоединилось. Что нам ответить ему на такие слова, Гиппий?

С Гиппий. Ответить вовсе нетрудно. Мы скажем, что Фидий поступил правильно, потому что, по моему, и то, что сделано из слоновой кости, есть прекрасное.

Сократ. Чего же ради, скажет тот человек, не изготовил он из слоновой кости также и зрачки глаз, а сделал их из камня, выбрав камень, по возможности, похожий на слоновую кость. Или и прекрасный камень — прекрасное? Ответим ли мы на это утвердительно, Гиппий?

Гиппий. Да, конечно, когда камень подходит.

Сократ. А когда не подходит, это — нечто безобразное? Соглашаться мне или нет?

Гиппий. Соглашайся для тех случаев, когда камень не подходит.

Д Сократ. Как же так? спросит он, ты, мудрец, разве слоновая кость и золото не заставляют вещи казаться прекрасными только тогда, когда они подходят, а в противном случае — безобразными? Будем ли мы отрицать это или признаем, что его слова правильны?

Гиппий. Мы признаем, что каждую вещь делает прекрасной то, что для каждой вещи подходит.

Сократ. Ну а если, скажет он, этот самый прекрасный горшок, о котором мы только что говорили, наполнить прекрасной кашей и варить ее, какой уполовник к нему больше подойдет, — сделанный из золота или из смоковницы?

13

Гиппий. О Геракл! О каком человеке ты говоришь, Сократ!

Е Скажи ты мне, кто это такой?

Сократ. Ты не узнал бы его, если бы я назвал его имя.

Гиппий. Но я и теперь уже вижу, что это какой-то невежда.

Сократ. Он очень надоедлив, Гиппий; но все-таки, что же мы ответим? Который из двух уполовников больше подходит к каше и к горшку? Не очевидно ли, что смоковничный? Ведь он придает каше более приятный запах, а вместе с тем, друг мой, он не разобьет горшка, не вывалит каши, не потушит огня и не оставит без знатного кушанья тех, кто собирается угощаться. А золотой уполовник наделал бы все это, так что, мне кажется, нам надо ответить, что смоковничный уполовник подходит больше, ²⁹¹ чем золотой, если только ты не скажешь чего-нибудь другого.

Гиппий. Подходит-то он, пожалуй, больше, Сократ, но только я не стал бы разговаривать с человеком, задающим такие вопросы.

Сократ. И правильно, друг мой. Действительно, тебе, как прекрасно одетому, прекрасно обутому, прославленному своей мудростью среди всех эллинов, пожалуй, не подобает заполнять свою голову подобными выражениями. А мне совсем не составляет неприятности общение с этим человеком. Поэтому поучи ^В меня и отвечай за меня. Ведь, если смоковничный уполовник подходит больше, чем золотой, скажет тот человек, то не будет ли он и прекраснее, раз ты соглашаешься, Сократ, что подходящее более прекрасно, чем не подходящее? Согласимся ли мы, Гиппий, что смоковничный уполовник прекраснее золотого?

Гиппий. Хочешь, я скажу тебе, Сократ, как тебе нужно определить прекрасное, чтобы избавить себя от излишних разговоров?

Сократ. Конечно, хочу; но только не ранее, чем ты мне ^С скажешь, который из обоих, только что названных уполовников, я должен в своем ответе признать подходящим и более прекрасным.

Гиппий. Если хочешь, отвечай ему, что сделанный из смоковницы.

Сократ. А теперь говори то, что ты только что собирался говорить. Ведь, если я утверждаю, что прекрасное есть золото, так при этом ответе, по моему мнению, золото оказывается несколько не прекраснее смоковничного дерева. Что же ты скажешь теперь о том, что такое прекрасное?

Гиппий. Я скажу тебе. Мне кажется, ты добиваешься, чтобы ^Д

тебе в ответе назвали такое прекрасное, которое никогда нигде никому не покажется безобразным.

Сократ. Конечно, Гиппий; ты это теперь прекрасно постиг.

Гиппий. Слушай же и знай: если кто-нибудь найдет, что возразить на это, я скажу, что я ничего не смыслю.

Сократ. Говори же, как можно скорее, ради богов!

Гиппий. Итак, я утверждаю, что всегда и везде прекраснее всего для каждого мужа быть богатым, здоровым, пользоваться почетом у эллинов и, достигнув старости, устроив своим родителям, когда они умрут, прекрасные похороны, быть прекрасно и пышно погребенным своими детьми.

14

Сократ. Вот-вот, Гиппий! Как это было сказано изумительно, величественно и достойно тебя! Клянусь Герой, я в восхищении, что ты, как будто, по мере сил, благосклонно помогаешь мне. Но ведь тому-то человеку мы не угодим, и теперь он посмеется над нами больше всего, — знай это.

Гиппий. Плохим смехом посмеется, Сократ! Если ему нечего сказать на это, а он все же смеется, над собой посмеется, и сам ²⁹²станет предметом насмешек для присутствующих.

Сократ. Может быть, это и так. А может быть, при таком ответе, он надо мной, как я предвижу, не только посмеется.

Гиппий. Что же еще?

Сократ. А то, что, если у него окажется палка, он, если только я не спасусь от него бегством, постарается хорошенько хватить меня.

Гиппий. Что ты говоришь! Господин твой, что ли, этот человек? И если он сделает это, разве не привлекут его к суду ^Ви не приговорят к наказанию? Разве нет суда у вас в государстве? Разве оно позволяет гражданам бить друг друга без всякого на то права?

Сократ. Оно этого никоим образом не позволяет.

Гиппий. Тогда, значит, он понесет наказание за то, что ударил тебя без всякого права.

Сократ. Думаю, что нет, Гиппий, не без всякого права, если я так отвечу, а по праву — так мне думается.

Гиппий. Тогда и я того же мнения, Сократ, раз ты и сам это думаешь.

Сократ. Сказать ли мне тебе, почему я и сам считаю, что меня побьют по праву, если я дам такой ответ. Или и ты станешь бить меня, не разобрав в чем дело? Или выслушаешь мою речь?

Гиппий. Странно было бы, Сократ, если бы я не выслушал ее. Но что же ты скажешь? с

15

Сократ. Я буду говорить тебе точно так же, как я говорил только что, подражая тому человеку, чтобы мне не приходилось говорить тебе такие слова, с какими он обратится ко мне, слова суровые и необычные. Знай же твердо, он заявит следующее: Скажи, Сократ, неужели ты думаешь, что ты не по праву получил удары, ты, который, спев столь громкий дифирамб, так грубо и сильно отклонился от заданного тебе вопроса? Каким образом? спрошу я. Каким? ответит он: или ты не в состоянии вспомнить, что я спрашивал о самом прекрасном, которое всему, к чему бы оно ни присоединилось, сообщает способность быть прекрасным, — и камню, и дереву, и человеку, и богу, и всякому деянию, и всякому знанию. Ведь я тебя спрашиваю, дорогой мой, что такое сама красота, и я также мало могу добиться, чтобы ты внял мне, как если бы ты был камнем, мельничным камнем, без ушей и без мозга. А если бы я, вслед за тем, в страхе сказал ему на это — ты, ведь, не рассердишься, Гиппий: — Да Гиппий сказал, что прекрасное есть именно это, хотя я и спрашивал его, так же, как ты меня, что является прекрасным для всех и всегда. Что ты скажешь? Не рассердишься ты, если я скажу так? D

Гиппий. Я хорошо знаю, Сократ, что то, что я сказал, прекрасно для всех и всем будет казаться таковым.

Сократ. И будет прекрасно? возразит он: ведь прекрасное всегда прекрасно.

Гиппий. Конечно.

Сократ. Значит и было прекрасно? спросит он.

Гиппий. И было.

Сократ. Не сказал ли, молвит он, Элидский гость, что и для Ахилла прекрасно быть погребенным позже, чем его предки, и для его деда, Эака¹⁹, и для остальных, кто произошел от
293 богов, и для самих богов?

16

Гиппий. Что такое? Брось ты это! Да и произносить-то не годится вопросы, которые задает этот человек.

Сократ. А как же? Не будет ли совсем зловещим на вопрос другого отвечать, что это так и есть?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Ведь, пожалуй, скажет он, ты и будешь тем, кто утверждает, что и для всех и всегда прекрасно быть погребенными своими детьми, а родителей предать погребению? Или не был одним из всех и Геракл, и все те, кого мы только что назвали?

Гиппий. Но, ведь, я же не говорил, что это прекрасно для богов!

В Сократ. И для героев не прекрасно, повидимому.

Гиппий. Для тех из них, которые были детьми богов.

Сократ. А для тех, которые ими не были?

Гиппий. Конечно, прекрасно.

Сократ. Итак, по твоим словам оказывается, что из героев для Тантала, Дардана, Зефа все это — ужасно, нечестиво, безобразно, а для Пелопа и для остальных, рожденных так же, как и он, это — прекрасно²⁰.

Гиппий. Мне так кажется.

Сократ. Следовательно, скажет он, ты признаешь нечто такое, что ты перед этим не считал правильным, а именно, что иногда и для некоторых предать погребению своих предков и затем быть погребенными своими потомками является безобразным. Более того, повидимому, невозможно, чтобы так случилось со всеми и было прекрасным. Выходит, что и с этим произошло то же самое, что и с прежним, с девушкой и с горшком, и это — что еще смешнее — для одних оказывается прекрасным, для других не прекрасным. И сегодня еще, скажет он, ты не в состоянии, Сократ, ответить на вопрос, что такое прекрасное.

Этими и тому подобными словами будет он по праву бранить меня, если я дам ему такой ответ.

17

Вот приблизительно так он со мной большею частью разговаривает, Гиппий. А иной раз, как будто сжалившись над моей неопытностью и невежеством, он сам предлагает мне вопросы, не кажется ли мне прекрасное тем или иным, или же выпрашивает меня о другом, о чем придется и о чем пойдет речь.

Гиппий. Как так, Сократ?

Сократ. Я разъясню тебе. Чудак ты, Сократ, говорит он: перестань давать подобные ответы так, как ты это делаешь, — слишком уже они простоваты и слишком легко опровергнуть их. Лучше рассмотри, не кажется ли тебе, что прекрасное есть нечто, чего мы только что коснулись в одном ответе, когда мы утверждали, будто золото прекрасно в том, к чему оно подходит, а к чему не подходит — не прекрасно, равно как и все остальное, чему присуще это свойство. Рассмотри само это подходящее и природу самого подходящего, не окажется ли прекрасное им? И вот я обычно соглашаюсь с этим — ведь мне нечего сказать. А тебе подходящее кажется ли прекрасным?

Гиппий. Конечно, Сократ.

Сократ. Рассмотри же это, чтобы нам как-нибудь не обмануться.

Гиппий. Следует рассмотреть.

Сократ. Итак, смотри: утверждаем ли мы, что подходящее это то, что своим появлением заставляет казаться прекрасным каждый предмет из числа тех, которым оно присуще, или же это — то, что заставляет его быть прекрасным? Или это ни то, ни другое?

Гиппий. Мне думается — то, что заставляет казаться прекрасным; все равно, как если человек наденет идущее ему платье или обувь, он кажется прекраснее, даже если у него смешная наружность.

Сократ. Но если подходящее заставляет все казаться прекраснее, чем оно есть на самом деле, так ведь подходящее —

это какой-то обман относительно прекрасного, и это, пожалуй, не то, чего мы ищем, Гиппий? Ведь мы исследовали то, чем прекрасны все прекрасные предметы, подобно тому, как все великое велико своим превосходством; благодаря этому превосходству, все бывает великим, и если даже оно не кажется таковым, а имеет превосходство, оно неизбежно должно быть великим. Точно так же мы говорим о том, что такое прекрасное, благодаря которому прекрасно все, кажется ли оно таковым или нет. Оно, пожалуй, не будет тем подходящим, так как последнее, как ты сказал, заставляет предметы казаться прекраснее, чем они суть на самом деле, и не позволяет им казаться такими, каковы они суть. Нужно попытаться сказать, что такое то, что заставляет предметы быть прекрасными, как я только что сказал,— кажутся ли они таковыми или нет. Вот, что мы исследуем, если только хотим найти прекрасное.

Гиппий. Но подходящее, Сократ, заставляет своим присутствием предметы и быть и казаться прекрасными.

Сократ. Итак, невозможно, чтобы действительно прекрасное не казалось прекрасным, по крайней мере, если есть то, что заставляет его казаться таковым.

Гиппий. Невозможно.

18

Сократ. Признаём ли мы, Гиппий, что все действительно прекрасные установления и занятия и считаются прекрасными и всегда всем таковыми кажутся, или же, совсем наоборот, их не узнают и из-за них больше всего происходят раздоры и борьба и между отдельными людьми в частной жизни, и между государствами в жизни общественной.

Гиппий. Скорее именно так, Сократ; их не узнают.

Сократ. Но этого не было бы, если бы им присуще было казаться прекрасными. А это было бы присуще им в том случае, если бы подходящее и было прекрасным и не только заставляло бы предметы быть прекрасными, но и казаться ими. Таким образом подходящее, если только оно есть то, что заставляет быть прекрасным, будет, пожалуй, тем прекрасным, которое мы ищем, но не тем, что заставляет казаться прекрас-

ным. Если же, с другой стороны, подходящее есть то, что за-
ставляет казаться прекрасным, оно, пожалуй, не будет тем пре-
красным, которое мы ищем. Ведь оно-то заставляет быть пре-
красным, а одно и то же не могло бы, пожалуй, заставлять и
казаться и быть²¹ не только прекрасным, но и ни чем иным.
Надо, значит, выбрать, представляется ли нам подходящее тем,
что заставляет казаться прекрасным, или тем, что заставляет
быть им.

Гиппий. По моему тем, что заставляет казаться, Сократ.

Сократ. Эге, Гиппий! значит познание того, что такое пре-
красное, ускользнуло от нас, раз подходящее оказалось чем-то
другим, а не прекрасным.

Гиппий. Да, Сократ, клянусь Зевсом, и, по моему, вышло
как-то совсем нелепо.

Сократ. Но, во всяком случае, друг мой, не будем еще вы-
пускать его. У меня еще есть некоторая надежда, что можно²⁹⁵
будет выяснить, что такое прекрасное.

Гиппий. Конечно, Сократ; да и не трудно найти это. Я, по
крайней мере, хорошо знаю, что, если бы я уединился и короткое
время поразмыслил сам с собой, я сказал бы тебе это точнее
точного.

19

Сократ. Не говори так самоуверенно, Гиппий! Ты видишь,
сколько хлопот нам уже доставило прекрасное; как бы оно, раз-
гневавшись, не убежало от нас еще дальше. Я, впрочем, говорю
пустяки; ты-то, я думаю, легко найдешь его, когда окажешься
один. Но, ради богов, разыщи его при мне, или, если хочешь,
давай его искать вместе со мною, как мы делали сейчас; и,
если мы найдем его, это будет отлично, если же нет, я, думается
мне, покорюсь своей судьбе, ты же легко найдешь его после
того, как удалишься. И если мы найдем его теперь, не беспо-
койся, — я не буду надоедать тебе расспросами о том, что ты
разыщешь самостоятельно. Теперь же взгляни на то, чем тебе
представляется прекрасное. О нем я говорю, что оно... — только
ты наблюдай за мной с большим вниманием, как бы мне не ска-
зать чего-нибудь несуразного, — пусть у нас будет прекрасным

то, что является пригодным. Сказал же я это на основании такого соображения: прекрасны, говорим мы, не те глаза, которые кажутся неспособными видеть, но те, что способны и пригодны для того, чтобы видеть. Не так ли?

Гиппий. Да.

Сократ. Не правда ли, и все тело в целом мы называем прекрасным в том же смысле, одно — для бега, другое — для борьбы, а, с другой стороны, и все живые существа; называем D прекрасным и коня, и петуха, и перепела, так же как и всякую утварь и средства передвижения, сухопутные и морские, торговые суда и триеры, и все инструменты, как музыкальные, так и те, что служат во всех других искусствах, если хочешь, и занятия, — почти все это мы называем прекрасным точно таким же образом. В каждом из этих предметов мы отмечаем, как он произошел на свет, как сделан, как составлен, и называем прекрасным то, что пригодно, поскольку оно пригодно, по отношению E к тому, для чего оно пригодно, и когда пригодно; то же, что во всех этих отношениях не пригодно, мы называем безобразным. Не представляется ли это и тебе так же, Гиппий?

Гиппий. Представляется.

20

Сократ. Не правильно ли мы говорим теперь, что пригодное оказывается прекрасным скорее, чем все иное?

Гиппий. Конечно, правильно, Сократ.

Сократ. Не правда ли, что то, что может выполнить ту или иную работу, для того и пригодно, что оно может выполнить, то же, что не может, — непригодно.

Гиппий. Конечно.

Сократ. Итак, мощь есть нечто прекрасное, а немощь — безобразное?

Гиппий. Вот именно. По крайней мере, Сократ, и все 296 остальное подтверждает нам, что это именно так, а в особенности государственные дела: ведь в государственных делах и в своем собственном государстве быть мощным прекраснее всего, а немощным — всего безобразнее.

Сократ. Хорошо сказано! Но, ради богов, Гиппий, разве и мудрость поэтому прекраснее всего, а невежество всего безобразнее?

Гиппий. А ты что думаешь, Сократ?

Сократ. Тише, дорогой друг; я очень боюсь, что такое мы опять говорим!

Гиппий. Чего же ты боишься, Сократ, когда на этот раз ^В эти слова сказаны тобой превосходно.

Сократ. Я бы хотел, чтобы это было так; но рассмотри со мной вместе вот что: разве кто делает что-нибудь такое, чего он не умеет, да и вообще не может сделать?

Гиппий. никоим образом; как же он сделал бы то, чего не может?

Сократ. Значит, если кто ошибается и невольно совершает и делает дурное, никогда не стал бы делать этого, если бы не мог этого делать?

Гиппий. Очевидно. ^С

Сократ. Но ведь могущие могут делать благодаря мощи? Ведь не благодаря же немощи?

Гиппий. Нет, конечно.

Сократ. Ну, а все делающие могут делать то, что они делают?

Гиппий. Да.

Сократ. Все же люди, начиная с детства, делают гораздо больше дурного, чем хорошего, и невольно ошибаются.

Гиппий. Это так.

Сократ. И что же? Эту мощь и это пригодное, — то, что пригодно для совершения чего-нибудь дурного, — неужели мы их назовем прекрасными, или мы будем далеки от этого?

Гиппий. По моему, далеки, Сократ. ^Д

Сократ. Следовательно, Гиппий, прекрасное, повидимому, не есть то, что обладает мощью и что пригодно.

Гиппий. По крайней мере, Сократ, если оно может совершать благие дела и пригодно для этой цели.

Сократ. Значит, наше предположение отпадает, будто то, что обладает мощью, и то, что пригодно, безусловно прекрасно. Итак, то, что хотела сказать наша душа, Гиппий, состояло в следующем: прекрасное и есть пригодное и способное сделать нечто, ведущее к благу.

Е Гиппий. Мне так кажется.

Сократ. Но ведь таковым будет полезное; или нет?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Таким образом, и прекрасные тела, и прекрасные установления, и мудрость, и все, о чем мы только что говорили, прекрасно, потому что оно полезно.

Гиппий. Очевидно.

Сократ. Итак, нам кажется, что прекрасное есть полезное, Гиппий.

Гиппий. Конечно, Сократ.

Сократ. Но ведь полезное это — то, что творит благо.

Гиппий. Вот именно.

Сократ. А то, что творит, есть не что иное, как причина; не так ли?

Гиппий. Так.

Сократ. Значит, прекрасное есть причина блага.

297 Гиппий. Вот именно.

Сократ. Но, Гиппий, ведь причина и то, причиной чего является причина, — разные вещи; ведь причина не могла бы быть причиной причины. Рассмотрим это таким образом: не оказалась ли причина чем-то творящим?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Не правда ли, творящее творит не что иное, как то, что возникает, а не то, что творит?

Гиппий. Это так.

Сократ. Но ведь возникающее — одно, а творящее — другое?

Гиппий. Да.

Сократ. Следовательно, причина не есть причина причины, но причина того, что благодаря ей возникает.

В Гиппий. Конечно.

Сократ. Итак, если прекрасное есть причина блага, то благо возникает благодаря прекрасному. И мы, как кажется, усердно стремимся и к рассудительности и ко всему остальному прекрасному, потому что производимое ими действие и их детище, благо, достойно такого стремления; из того, что мы нашли, оказывается, что прекрасное является как бы в образе отца блага.

Гиппий. Конечно, так; ты прекрасно говоришь, Сократ.

Сократ. Не прекрасно ли я говорю и то, что ни отец не есть сын, ни сын не есть отец?

Гиппий. Разумеется, прекрасно.

C

Сократ. И ни причина не есть то, что возникает, ни возникающее не есть причина.

Гиппий. Ты прав.

Сократ. Клянусь Зевсом, дорогой мой, но, ведь, тогда ни прекрасное не есть благо, ни благо не есть прекрасное. Или это тебе кажется возможным после сказанного раньше?

Гиппий. Нет, клянусь Зевсом, мне это не представляется возможным.

Сократ. Но удовлетворит ли нас и готовы ли мы сказать, что прекрасное не есть благо и благо не есть прекрасное?

Гиппий. Нет, клянусь Зевсом, это меня совсем не удовлетворяет.

Сократ. Да, клянусь Зевсом, Гиппий, и меня это удовлетворяет меньше всего из того, что мы сказали.

D

Гиппий. Это, по моему, действительно так.

22

Сократ. Итак, оказывается на самом деле, что это не так, как нам только что представлялось: будто прекраснее всего из сказанного то положение, что полезное, пригодное, способное сделать что-нибудь хорошее и есть прекрасное. Нет, это положение, если только возможно, еще смешнее тех первых, когда мы думали, что прекрасное — прекрасная девушка и все прочее из раньше сказанного.

Гиппий. Кажется, что так.

Сократ. Я уже и не знаю, куда мне деваться, Гиппий, и не нахожу выхода; а ты имеешь что-нибудь сказать?

Е Гиппий. Нет, по крайней мере, в настоящее время; но, как я только что сказал, я хорошо знаю, что если обдумаю, то найду.

Сократ. А мне кажется, что от страстного желания знать, я не в состоянии дожидаться, пока ты будешь медлить; и, ведь, вот мне думается, что теперь-то я уже нашел выход. Смотри-ка: если бы мы назвали прекрасным то, что заставляет нас радоваться, — допустим, не все наслаждения, а то, что радует нас через посредство слуха и зрения²², — как бы мы тогда стали спорить? Дело в том, Гиппий, что и прекрасные люди, и всякие пестрые украшения, и картины, и названия радуют наш взор, если они прекрасны. И прекрасные звуки, и все мусические искусства, и речи, и рассказы производят то же самое действие, так что если мы ответим тому дерзкому человеку: Дорогой мой, прекрасное это — приятное благодаря слуху и зрению, не думаешь ли ты, что мы удержим его от дерзости?

Гиппий. Мне, действительно, кажется, Сократ, теперь хорошо сказано, что такое прекрасное.

Сократ. Как же так? А скажем ли мы о прекрасных занятиях и законах, Гиппий, что они прекрасны, потому, что приятны благодаря слуху и зрению, или же это принадлежит к какому-либо другому виду?

Гиппий. Это, Сократ, может быть ускользнет от того человека.

Сократ. Клянусь собакой, Гиппий, не ускользнет от того, кого я больше всего постыдился бы, если бы стал болтать вздор и делать вид, будто я говорю дело, когда я на самом деле говорю пустяки.

Гиппий. Кто же это такой?

Сократ. Сын Софрониска²³, который, пожалуй, не позволит мне с легкостью говорить об этих еще не исследованных предметах, так же, как он не позволяет говорить о том, чего я не знаю, как будто я это знаю.

Гиппий. Но мне и самому после твоих слов кажется, что с законами бывает как-то по другому.

23

Сократ. Не торопись, Гиппий; ведь выходит, что мы попали по вопросу о прекрасном в то же безвыходное положение, как и перед тем, а между тем думаем, что нашли хороший выход.

Гиппий. В каком смысле ты это говоришь, Сократ?

Сократ. Я укажу тебе, как мне представляется дело, если, конечно, я говорю верно. Ведь, пожалуй, окажется, что все, относящееся к законам и занятиям, не находится вне области тех ощущений, которые мы получаем благодаря слуху и зрению. Но останемся при этом положении: приятное благодаря этим чувствам есть прекрасное, и не будем совсем выдвигать вперед вопроса о законах. Если бы спросил нас или тот, о ком я говорю, или кто другой: Почему же, Гиппий и Сократ, вы выделили из приятного приятное, получаемое тем путем, который вы называете прекрасным? Между тем, как приятное, связанное со всеми остальными ощущениями, получаемыми от пищи, питья, любовных утех и все другое в таком же роде, вы не называете прекрасным. Или это все неприятно, и вы утверждаете, что в этом вообще нет наслаждения. Ни в чем ином, кроме зрения и слуха? Что мы на это скажем, Гиппий?

Гиппий. Разумеется, мы скажем, Сократ, что и во всем другом есть величайшее наслаждение.

Сократ. Почему же, скажет он, раз это все — наслаждения, несколько не меньшие, чем те, вы отнимаете у них это имя и лишаете свойства быть прекрасными? Потому, ответим мы, что решительно всякий осмеет нас, если мы станем утверждать, что есть — не приятно, а прекрасно, и обонять приятное — не приятно, а прекрасно; что же касается любовных утех, то все стали бы нам возражать, что они очень приятны, но все же следует, если кто им и предается, предаваться так, чтобы никто этого не видел, потому что очень стыдно, чтобы это видели. На эти наши слова, Гиппий, он, пожалуй, скажет: Понимаю и я, что вы давно уже стыдитесь назвать эти наслаждения прекрасными, потому что это неуютно людям; но ведь я-то не о том спрашиваю, что кажется прекрасным большинству, а о том, что прекрасно на самом деле. Я думаю, мы скажем так же, как мы уже предположили: Мы говорим, что именно эта часть прият-

ного, приятное для зрения и слуха, — есть прекрасное. Годятся тебе эти соображения, Гиппий, или надо привести еще что-нибудь?

Гиппий. На то, что было сказано, Сократ, необходимо ответить именно это.

24

Сократ. Прекрасно сказано, возразит он. Не правда ли, если приятное благодаря зрению и слуху есть прекрасное, очевидно, то приятное, что не окажется таким, не будет прекрасным? Согласимся ли мы с этим?

Гиппий. Да.

Сократ. Но разве, скажет он, приятное благодаря зрению есть приятное благодаря зрению и слуху, или приятное благодаря слуху — приятное благодаря слуху и зрению? никоим образом, скажем мы, то, что приятно благодаря одному из этих двух чувств, не будет таковым благодаря обоим вместе, — ведь об этом ты, повидимому, говоришь, — но мы говорили, что и каждое из этих приятных есть прекрасное и само по себе, и оба они вместе. Не так ли мы ответим?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Разве, спросит он, какое бы то ни было приятное отличается от любого другого приятного именно тем, что оно есть приятное? Я спрашиваю не о том, больше или меньше какое-нибудь наслаждение, сильнее оно или слабее, но я спрашиваю, отличается ли какое-нибудь наслаждение от других именно тем самым, что одно является наслаждением, а другое не наслаждением. Нам кажется, что нет. Не так ли?

Гиппий. Кажется, что нет.

Сократ. Значит, скажет он, вы избрали эти наслаждения предпочтительно перед остальными наслаждениями по какой-то другой причине, а не потому, что они — наслаждения. Вы видели и в том и в другом нечто особенное, так как в них содержится что-то отличное от остальных и, принимая это во внимание, вы утверждаете, что они прекрасны. Не потому же, разумеется, прекрасно наслаждение, получаемое через зрение, что оно получается благодаря зрению. Ведь, если бы это служило причиной,

по которой это наслаждение прекрасно, то никогда не было бы прекрасным другое наслаждение, получаемое через слух, ибо оно не есть наслаждение благодаря зрению. Скажем ли мы, что он прав?

Гиппий. Скажем.

Сократ. С другой стороны, и наслаждение, получаемое через слух, бывает прекрасным не потому, что оно есть наслаждение благодаря слуху; в таком случае наслаждение, получаемое через зрение, не было бы никогда прекрасным; ведь оно не есть наслаждение благодаря слуху. Скажем ли мы, Гиппий, что человек, утверждающий такие вещи, говорит правду?

Гиппий. Да, он говорит правду.

Сократ. Но, разумеется, оба наслаждения прекрасны, как вы утверждаете. Ведь мы утверждаем это?

Гиппий. Утверждаем.

Сократ. Значит, они имеют нечто тождественное, что заставляет их быть прекрасными, то общее, что присуще им обоим, вместе взятым, и каждому из них в отдельности; ведь иначе они не были бы прекрасны, и оба вместе и каждое из них. Отвечай мне, как ответил бы тому человеку.

Гиппий. Я отвечаю, и, по моему, бывает так, как ты говоришь.

Сократ. А если оба эти наслаждения обладают известным свойством²⁴, каждое же из них в отдельности им не обладает, то они, пожалуй, не могут быть прекрасными вследствие присутствия этого свойства.

Гиппий. Да как же это может быть, Сократ, чтобы ни одно из этих двух наслаждений не имело какого-либо свойства, а затем, чтобы то самое свойство, которого не имело ни одно из них, было бы в обоих?

Сократ. Тебе кажется, что этого не может быть?

Гиппий. Я, должно быть, очень неискушен в том, что касается и природы таких вещей и изложения речей, которыми мы сейчас занимаемся.

Сократ. Не сердись, Гиппий! Мне, вероятно, только кажется, будто я вижу что-то, происходящее так, как это, по твоим словам, не может происходить, а, на самом деле, я ничего не вижу.

Гиппий. Не вероятно, Сократ, а совершенно очевидно, что ты смотришь в сторону.

Сократ. А ведь много такого появляется перед моею душою; однако, я этому не доверяю, потому что это не представляется тебе, человеку, из всех современников заработавшему больше всего денег за свою мудрость, а только мне, который никогда ничего не заработал. И мне приходит на ум, друг мой, не шутишь ли ты со мною и не обманываешь ли меня намеренно. До такой степени ясным столь многое мне представляется.

Гиппий. Никто, Сократ, не будет знать лучше тебя, шучу ли я или нет, если ты попробуешь рассказать о том, что перед тобой является. Ведь тогда станет очевидным, что ты говоришь вздор. Никогда ты не найдешь, чтобы мы оба вместе имели какое-нибудь свойство, которого не имел бы ни я ни ты.

Сократ. Как ты говоришь, Гиппий? Может быть, ты и дело говоришь, только я не понимаю; но выслушай более точно, что я хочу сказать. Мне представляется, что нам обоим вместе может быть свойственно нечто такое, что мне не свойственно, чем не являюсь я и не являешься ты; в свою очередь, есть нечто другое, что свойственно нам обоим, но что не есть ни я ни ты.

Гиппий. Похоже, Сократ, что ты в ответ рассказываешь чудеса, еще большие, чем ты рассказывал немного раньше. Смотри же: если мы оба справедливы, разве не справедлив и каждый из нас в отдельности? Или, если каждый из нас несправедлив, не таковы ли мы и оба вместе, и, если мы оба вместе здоровы, не здоров ли и каждый из нас? Или, если каждый из нас болен, ранен, получил удар или испытывает какое бы то ни было состояние, разве не испытываем того же самого мы оба вместе? Далее, если бы оказалось, что мы оба вместе — золотые, серебряные, сделанные из слоновой кости, или же, если угодно, что мы оба благородны, мудры, пользуемся почетом, что мы — старцы, юноши или все, что тебе угодно из того, чем могут быть люди,

разве не было бы совершенно неизбежно, чтобы и каждый из нас в отдельности был таким же?

Сократ. Конечно.

B

Гиппий. Дело в том, Сократ, что ты не рассматриваешь вещи в целом; так же поступают и те, с кем ты имеешь обыкновение рассуждать; вы выделяете прекрасное и каждую часть сущего и исследуете их, рассекая их в своих рассуждениях. Поэтому и сокрыты от вас столь великие и постоянные по природе своей отношения бытия²⁵. И теперь это оказалось сокрытым от тебя до такой степени, что ты считаешь, будто существует нечто, состояние или бытие, которое имеет отношение к двум таким вещам, вместе взятым, но не к каждой из них в отдельности, или же, наоборот, к каждой из них в отдельности, но не к обеим, вместе взятым. Вот как вы неразумны, неосмотрительны, просты, безрассудны!

C

26

Сократ. Таково уже наше положение, Гиппий, не как хочется, а как может, говорится в таких случаях по пословице. Зато, ты помогаешь нам всегда своими указаниями. Вот и теперь обнаруживать ли мне перед тобою еще больше, как просты мы были до получения таких указаний от тебя, тем, что я расскажу тебе, как мы обо всем этом рассуждали, или не говорить об этом?

Гиппий. Ты будешь говорить, Сократ, мне, человеку, который все это знает; ведь я знаю, обо всех занимающихся рассуждениями, что это за люди. Впрочем, если это тебе доставит удовольствие, говори.

D

Сократ. Разумеется, доставит. Дело в следующем, дорогой мой: прежде, чем ты сказал все это, мы были так бестолковы, что представляли себе, будто и я, и ты, каждый из нас, есть один, а мы оба вместе, конечно, не могли бы быть тем, чем является каждый из нас в отдельности, — ведь мы не один, а двое, — вот как просты мы были. Теперь же ты научил нас, что, если мы оба вместе составляем два, необходимо, чтобы и каждый из нас был двумя, если же каждый из нас — один, необходимо, чтобы мы и оба вместе были одним. Ибо, по мнению Гиппия, не может

E

быть иначе сохранено постоянное основание бытия²⁶; и чем бывают оба вместе, тем должен быть и каждый из них, и оба вместе — тем, чем бывает каждый. Теперь я сижу здесь, убежденный тобою. Но только раньше, Гиппий, напомни мне: я и ты будем ли мы одним, или же и ты — два, и я — два?

Гиппий. Что такое ты говоришь, Сократ?

Сократ. То именно, что я говорю; я боюсь высказаться ясно перед тобой, потому что ты сердиться на меня, когда тебе кажется, будто ты сказал нечто значительное. Все-таки скажи мне еще: не есть ли каждый из нас — один и не свойственно ли ему именно то, что он есть один?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Итак, если каждый из нас будет одним, то он будет, пожалуй, и нечетом; или ты не считаешь единицу нечетом?

Гиппий. Считаю.

Сократ. Значит, и мы оба вместе — нечет, хотя нас и двое?

Гиппий. Не может этого быть, Сократ.

Сократ. Тогда мы оба вместе чет; не так ли?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Но, ведь, из-за того, что мы оба вместе — чет, не будет четом и каждый из нас?

Гиппий. Нет, конечно.

Сократ. Значит, совершенно нет необходимости, как ты только что говорил, чтобы каждый в отдельности был тем же, что и оба вместе, и оба вместе — тем же, чем каждый в отдельности.

Гиппий. Для подобных вещей — нет, а для таких, о которых я говорил прежде, — есть.

Сократ. Довольно, Гиппий! Достаточно и того, если одно оказывается таким, а другое — не таким. Ведь и я говорил, если помнишь, откуда пошел у нас этот разговор, что наслаждения, получаемые через зрение и слух, прекрасны не тем, чем оказывается каждое из них, а оба они вместе и каждое из них в отдельности, так как ты признал их прекрасными и то и другое вместе и каждое в отдельности. Поэтому-то я и думал, что, если

только и то и другое прекрасно, они должны быть прекрасны благодаря бытию, свойственному им обоим, а не тому, которое отсутствует в одном из двух случаев; и теперь еще я так думаю. Но скажи мне как бы с самого начала: если и наслаждение, получаемое через зрение, и наслаждение, получаемое через слух, прекрасны и оба вместе и каждое в отдельности, не будет ли то, что делает их прекрасными, свойственно и им обоим вместе, и каждому из них в отдельности?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Потому ли они прекрасны, что и каждое из них и оба они вместе — наслаждения? Или же по этой причине и все остальные наслаждения должны были бы быть прекрасными ничуть не менее, чем эти? Ведь, если ты помнишь, выяснилось, что они называются наслаждениями несколько не в меньшей степени.

Гиппий. Помню.

Сократ. Напротив, оттого, что эти наслаждения получаются через зрение и слух, и было сказано, что они прекрасны.

Гиппий. Так было сказано.

Сократ. Смотри же, правду ли я говорю? Говорилось, ведь, насколько я помню, что прекрасно именно это приятное, не всякое приятное, но приятное благодаря зрению и слуху.

Гиппий. Правда.

Сократ. Не свойственно ли это обоим наслаждениям вместе, а каждому из них в отдельности не свойственно? Ведь, как уже говорилось раньше, каждый из этих двух видов приятного не бывает приятным благодаря обоим этим чувствам, оба они вместе — приятны благодаря обоим чувствам, а каждый в отдельности — нет. Так ведь?

Гиппий. Так.

Сократ. Значит, каждый из этих двух видов приятного, прекрасен не тем, что несвойственно каждому из них в отдельности, (ибо несвойственно каждому из них в отдельности и то и другое); таким образом можно, в согласии с нашим предположением, назвать прекрасным и то и другое приятное вместе, но нельзя назвать им каждое из них в отдельности. Как мы скажем? Не необходимо ли сказать именно это?

Гиппий. Повидимому, да,

Сократ. Станем ли мы утверждать, что оба они вместе прекрасны, а каждое из них отдельно — нет?

Гиппий. Что нам мешает?

Сократ. Мешает, друг мой, по моему, следующее: у нас было, с одной стороны, нечто, присущее каждому предмету, таким образом, что коль скоро оно присуще двоим вместе, то оно присуще и каждому в отдельности, и, коль скоро оно присуще и каждому в отдельности, то оно присуще и обоим вместе, — все то, что ты перечислил. Не так ли?

Гиппий. Да.

Сократ. Ну, а то, что я перечислил — нет; а к этому принадлежало и само „каждое в отдельности“ и „оба вместе“. Так ли это?

Гиппий. Так.

В Сократ. К чему же, Гиппий, относится, по твоему, прекрасное? К тому ли, о чем ты говоришь: коль скоро силен я, и ты тоже силен, то сильны и мы оба, и коль скоро я справедлив, и ты тоже справедлив, то справедливы мы и оба вместе, а если мы оба вместе, то и каждый из нас в отдельности. Точно так же, коль скоро я прекрасен и ты тоже прекрасен, то прекрасны и мы оба вместе, а если мы оба вместе прекрасны, то прекрасен и каждый из нас в отдельности. И разве что-либо мешает, чтобы из двух величин, составляющих вместе чет, каждая в отдельности была бы то нечетом, то четом, или, опять-таки, чтобы две величины, каждая из которых неопределенна взятые вместе давали бы то определенную, то неопределенную

С величину, чтобы это происходило со множеством других подобных вещей, которые, как я сказал, представляются мне? К каким из них ты причисляешь прекрасное? Или ты об этом того же мнения, как и я? Ведь мне кажется совершенно бессмысленным, чтобы мы оба вместе были прекрасны, а каждый из нас в отдельности — нет, или чтобы каждый из нас в отдельности был прекрасным, а мы оба вместе — нет, или любой иной пример подобного рода. Решаешь ли ты так же, как я, или иначе?

Гиппий. Точно так же, Сократ.

Сократ. И хорошо поступаешь, Гиппий, чтобы нам, наконец, избавиться от дальнейших исследований. Ведь если прекрасное принадлежит к этому роду, то приятное благодаря зрению и слуху уже не может быть прекрасным. Дело в том, что зрение и слух заставляют быть прекрасным оба вместе, но не каждое в отдельности. А ведь это было невозможно, Гиппий, как мы с тобой уже согласились.

Гиппий. Правда, согласились.

Сократ. Итак, невозможно, чтобы приятное благодаря зрению и слуху было прекрасным, раз оно, становясь прекрасным, создает нечто невозможное.

Гиппий. Это так.

29

Сократ. Начинайте снова с самого начала, скажет тот человек, так как вы в этом ошиблись. Чем же, по вашему мнению, будет то прекрасное, что свойственно обоим этим наслаждениям, из-за чего вы почтили их перед всеми остальными и назвали прекрасными? Мне кажется, Гиппий, необходимо сказать, что это — самые безвредные и самые лучшие из наслаждений, и оба они вместе, и каждое из них в отдельности. Или ты можешь назвать что-нибудь другое, чем они отличаются от остальных?

Гиппий. Никким образом; ведь они, действительно, самые лучшие.

Сократ. Итак, скажет он, вот, что такое, по вашим словам, прекрасное: это — полезное наслаждение. Кажется, так, скажу я; ну, а ты?

Гиппий. И я тоже.

Сократ. Но не является ли полезным то, что творит благо, скажет он—а творящее и творимое, как только что выяснилось, вещи разные—и не возвращается ли ваша речь к прежде сказанному? Ведь, ни благо не может быть прекрасным, ни прекрасное — благом, если только каждое из них есть нечто иное. Несомненно так, скажем мы, Гиппий, если только в нас есть здравый смысл. Ведь, непозволительно, конечно, не соглашаться с тем, кто говорит правильно.

Гиппий. Но что же это такое, по твоему, Сократ, все вместе взятое? Какая-то шелуха и обрезки речей, как я только что говорил, разорванные на мелкие части. Прекрасно и ценно нечто иное: быть в состоянии выступить с хорошей и красивой речью в суде, совете или перед иными властями, к которым обращена речь; убедить слушателей и удалиться с наградой, не ничтожнейшею, но величайшею, — спасти самого себя, свои деньги и друзей. Вот чего следует держаться, распроставшись со всеми этими словесными мелочами, чтобы не показаться слишком уже неразумными, занимаясь, как мы сейчас, болтовней и пустословием.

30

Сократ. Милый Гиппий, ты счастлив, потому что знаешь, чем следует заниматься человеку, и занимаешься этим должным образом, как ты говоришь. Мною же владеет, как кажется, какая-то злая судьба, так как я постоянно блуждаю и не нахожу выхода; а когда я обнаруживаю свое безвыходное положение перед вами, мудрыми людьми, я подвергаюсь с вашей стороны словесным оскорблениям всякий раз, как я его перед вами обнаружу. Вы всегда говорите то же, что и ты говоришь теперь, будто я хлопочу о глупых и мелких и ничего не стоящих вещах. Когда же я, переубежденный вами, говорю то же, что и вы, что всего лучше — быть в состоянии, выступив в суде или в ином собрании с хорошей и прекрасной речью, довести ее до конца, я выслушиваю много дурного и от других здешних, а особенно от этого человека, который постоянно меня обличает. Дело в том, что он чрезвычайно близок мне по своему происхождению и живет в одном доме со мной. И вот, как только я прихожу к себе домой, и он слышит, как я говорю такие вещи, он спрашивает, не стыдно ли мне отваживаться рассуждать о прекрасных занятиях, когда меня ясно изоблчили, что я не знаю о прекрасном даже и того, что такое само прекрасное. Как же ты будешь знать, говорит он, с прекрасной ли речью выступает кто-нибудь или нет, то же и о любом другом деле, раз ты не знаешь прекрасного? И если ты таков, неужели ты думаешь, что для тебя лучше жить, чем быть мертвым? Как я говорю, мне

приходится выслушивать неприятности и брань от вас, и неприятности от того человека. Но, быть может, и нужно выносить все это. Не будет ничего странного, если я получу от этого пользу. Итак, мне кажется, Гиппий, что я получил пользу от твоей беседы с ним; ведь, что значит пословица „прекрасное — трудно“²⁷, это, мне кажется, я узнал.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ (281 А). Элида — область на западном побережье Пелопоннеса, с главным городом Элидой и знаменитым святилищем Зевса в роще Олимпии.

² (281 С). Питтак — митиленский государственный деятель (VI в.); Биант из Приены — его современник; Фалес Милетский (VII — VI вв.) — первый представитель ионической натурфилософии. Все трое называются обыкновенно в числе семи мудрецов. См. „Протагор“, 343 А. Анаксагор из Клазомен (500 — 428), философ, проведший много лет в Афинах, но в начале Пелопоннесской войны изгнанный оттуда по обвинению в нечестии.

³ (282 А). *Εὶ ἄρα τὸν ἡμῶν... ὁ Βίαις ἀναβίβῃ* — неперевоаемая игра слов, основанная на созвучии *Βίαις*, Биант, *βιοῦν* жить.

⁴ (282 А) Дедал — букв. искусник — мифический художник и строитель Критского лабиринта; ему приписывали создание деревянных статуй архаического типа. В Афинах, в историческое время, существовал род Дедалидов, ведший свое происхождение от Дедала.

⁵ (282 В). Горгий из сицилийских Леонтин, сын Хармантида, прибыл впервые в Афины в 427 году в качестве посла; был знаменитейшим ритором своего времени; странствовал по разным городам Греции, имея множество учеников, и собрал огромное богатство. По свидетельству Свиды (*Γοργίας*), брал с учеников плату в 100 мин (мина — шестидесятая часть таланта, ок. 36 рублей).

⁶ (282 С). Продик, родившийся на острове Кеосе ок. 470—460 г., — знаменитый софист, ученик Протагора, уделявший много внимания вопросам изучения языка, За полный курс грамматики взимал плату в 50 драхм (драхма — сотая часть мины, ок. 36 копеек). См. Кратил, 384 В; Протагор, *passim*.

⁷ (282 D). Протагор из Абдеры — знаменитый софист. Род. ок. 480 г., многократно посещал Афины (ср. „Протагор“); привлеченный к суду по обвинению в нечестии, бежал в Сицилию и погиб по дороге во время кораблекрушения. По свидетельству Диогена Лаэртского (IX, 52), первый стал брать плату за учение в размере 100 мин.

⁸ (282 E). Иник — сицилийский городок, в юго-западной части острова, на реке Гипсанте.

⁹ (283 А) Опускаю рукописное *περὶ Ἀναξαγόρου λέγεται*, заподозренное Burnet'ом.

¹⁰ (284 А). На Фессалийской равнине, самой обширной и плодородной равнине Греции, издавна процветало коневодство, и фессалийская конница славилась во всем древнем мире. Ср. Законы, 625 D; Менон, 70 А.

¹¹ (285 E) Генеалогии были одной из любимейших тем греческой литературы, еще задолго до Гиппия. Сохранилась „Феогония“ Гесиода (ок. 700 г.);

составился составленный им же, не дошедший до нас „Каталог женщин“, существовали и прозаические сочинения того же характера (Гекатея, Гелланика и др.). Среди сочинений самого Гиппия был список победителей на Олимпийских играх.

¹² (286 В). Неоптолем — сын Ахилла; Нестор — сын Нелея, царь Пилоса, старейший из греческих вождей, сражавшихся под Троей. Ср. Филострат (около 200 г. по Р. Х.), Жизнь соф. I, 11, 4: „...Есть у него (т. е. у Гиппия) и „Троянский“ диалог, где содержится речь: Нестор во взятой Трое наставляет Неоптолема, сына Ахилла, чем надо заниматься, чтобы казаться доблестным мужем“.

¹³ (286 В). Ср. Гиппий Меньший, 363 А сл.

¹⁴ (286 С). По-гречески *εἰς καλόν* (*χρόνον*) — „в прекрасное“ (время), то же самое и в 286 D; в этих словах видят намек на переход к основной теме диалога, к вопросу о прекрасном.

¹⁵ (288 В). С этим местом обычно сопоставляют ответ оракула мегарцам, считавшим себя лучше всех остальных эллинов, сохраненный в схолиях к Феокриту (XIV, 48, Ziegler):

Лучше всей остальной земли Пеласгический Аргос,
Кони фракийцев всех лучше, всех лучше спартанские жены.

¹⁶ (289 А). Фрагменты Гераклита Эфесского (ок. 500 г.), прозванного „Темным“, изданы Дильсом (Diels, *Fragmente der Vorsokratiker* ³, I, 74), на русский язык переведена Маковельскими (Досократики, Казань 1914, I, 161) и Нилендером (Москва 1910). Настоящий отрывок, равно как и находящийся ниже (289 В), известен только из этого места.

¹⁷ (289 D). В подлиннике: *ἐπειδὴν τῶ προσγένηται ἐκεῖνο τὸ εἶδος*. Ср. Вл. Соловьев, Послесловие к переводу „Гиппия Бiggerого“. С. Ritter, *Neue Untersuchungen über Platon*, Мюнхен 1910, 256.

¹⁸ (290 В). Речь идет о знаменитой статуе Афины Девы, работы Фидия, стоявшей в Парфеноне.

¹⁹ (292 Е). Эак, сын Зевса и Эгины, отец Пелея, сыном которого был Ахилл.

²⁰ (293 В). Тантал, лидийский царь, сын Зевса и Плутò. Дардан, сын Зевса и Электры, дочери Атланта, родоначальник троянцев. Зеф, фиванский герой, сын Зевса и Антиопы. Пелоп, сын Тантала, герой — эпоним Пелопоннеса.

²¹ (294 Е). Следуя чтению Heindorff'a: *καὶ εἶναι ποιεῖν*.

²² (297 Е). В подлиннике, *διὰ τῆς ἀκοῆς καὶ τῆς ὄψεως*; в дальнейшем я передаю эти слова; благодаря слуху и зрению.

²³ (298 В). Т. е., сам Сократ. См. по поводу этого места Apelt, ук. соч. 651, 2.

²⁴ (300 В) В подлиннике: *πάθος, πάθημα* — формы глагола *πάσχω*.

²⁵ (301 В) Следуя чтению, предложенному Apelt'ом: *σχήματα τῆς οὐσίας*, вместо рукописного: *σώματα τῆς οὐσίας*. См. Apelt, ук. соч. 653.

²⁶ (301 Е). В подлиннике: *διανεκεῖ λόγῳ τῆς οὐσίας*.

²⁷ (304 Е) Изречение, приписываемое Солону. См. схолии к этому месту.